

Софья Ролдугина

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Софья Ролдугина

Моя рыжая проблема

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2016
ARMA DA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р67

Серия основана в 2011 году
Выпуск 220

Художник
Е. Никольская

Ролдугина С. В.

Р67 Моя рыжая проблема: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2258-6

Трикси Бланш — псионик из благополучного мира, где нет места волшебству. Ее принципы: «рассуждай логически», «действуй рационально», «ожидай худшего». Но все летит кувырком, когда ритуал вытаскивает Трикси в странное место, где обитают самые настоящие колдуны, в подземельях прячутся химеры, а все пути ведут в неприступную горную цитадель Лагон — единственное прибежище молодых адептов силы.

Трикси уверена, что если будет следовать трем своим заповедям, то справится с чем угодно. Она еще не знает, что у нее есть проблема... Нахальная рыжая проблема по имени Танеси Тейт. Худший ученик за всю историю Лагона...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ролдугина С. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2258-6

Глава 1

ФИКТИВНАЯ ДОБЫЧА

Рыжий, горячий, появляется внезапно и причиняет множество разрушений.

Из свитка «Загадки Лагона»

Меня похитили прямо со свадьбы.

К счастью, не моей.

Факт прискорбный и позорный. Есть, правда, и приятная сторона: я испортила торжество ненаглядной кухне Лоран. Брызнувшие во все стороны канapé, которые осели мелкими ошметками на лоснящихся физиономиях гостей, и лопнувшие светильники наверняка на некоторое время займут ее белобрысую головку... Возможно, этой очаровательной лицемерке придется даже отложить свадебное путешествие из-за траура по мне.

Сомнительный повод для радости, но в текущей ситуации сойдет и такой.

Выкрали меня в разгар поздравительной речи. Только отец уступил мне место у стола между свежее испеченными супругами и таким же свеженьким и приторным свадебным тортом, как пространство вдруг взбесилось. Что-то затрещало, заискрило; через мгновение исчезли звуки и появилось ощущение невесомости. Участок пола под ногами помутнел, и я ухнула в это белесоватое пятно, даже пискнуть не успев, — в дурацком красном платье, с прозрачным ободком усилителя и тоненьким усиком микрофона за ухом. Мучительную секунду молчали и чувства, и сверхчувства, даже вздохнуть было невозможно — и вдруг я рухнула с высоты в полметра на камни, как была — с раскрытым ртом, сжимая в охапке пышный букет. Ободранные локти саднили. Лепестки цветов щекотали повлажневшее лицо.

Первой мыслью было, что зря я вместе с цветами не прихватила подарок: в моей коробке был набор для выживания — иде-

альный тонкий намек на желательный исход грядущего кризиса кухни с мужем по Внутреннему морю. И это определенно более подходящее оружие для борьбы с неизвестными похитителями, чем лохматый веник из хрупких белых стеблей с золотистыми звездами на концах. Приятная сторона: кухне вожделенные элирии так и не достались, а ведь она засматривалась на них с самого моего появления в зале...

Впрочем, данную крайне успокоительную мысль можно по-смаковать и потом. А сейчас лучше вернуться к похитителям.

Продолжая изображать испуганную жертву, я подтянула повыше букет, закрывая лицо, и снова из-под ресниц окинула взглядом место, куда меня занесло. Похоже, большая пещера: под ногами — необработанный камень, стен и потолка не видно, сильный сквозняк. Свет исходит от нескольких факелов на подставках — настоящие факелы, шрах побери, не имитация! — и от огромного костра. Из знакомых запахов — только дым, горьковатый и щекочущий горло. Даже влажные камни пахнут как-то чудно. Водорослями... или морем? Или плесенью? У костра столпились пять человек в черных балахонах и орут, воздевая руки. Вокруг меня — что-то вроде силовой клетки. Нежная элирия от прикосновения к прутьям скрючилась и почернела так, что трогать их пальцами сразу расхотелось.

Что ж, улов с обычными чувствами не ахти. Придется задействовать козыри.

Не без труда я подогнула ноги, скрестив щиколотки. Поза не совсем верная, но хотя бы энергетические узлы соприкасаются, и платье задирается не сильно. Вдоль позвоночника тут же потек холодок, вверх, к голове — уже хорошо. Значит, способности тут работают.

Итак, начнем с анализа ситуации, как говорил дядя Эрнан.

Минусы: неизвестность, пять человек с возможностями, позволяющими перенести шрах знает куда избранную жертву из помещения, защищенного не хуже чем бункер премьер-министра, полное отсутствие связи и незнакомая местность.

Плюсы: девять лет псионической¹ школы за плечами, пять лет стажировки в группе Эрнана, четвертая ступень эмпатии, третья — конструирования и моделирования, зачатки телепатии... и первая ступень биокинеза, спасибо маме.

¹ Псионика — мистическая сила, основанная на скрытых возможностях человеческого мозга. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Сомнительные плюсы: двадцать четыре года выживания в семейке психов и интриганов.

Что ж, простейшие выкладки указывают на то, что шансы у меня почти нулевые. Но попробовать можно.

Очень, очень медленно и осторожно я начала раздвигать вокруг себя эмпатический купол. До похитителей — шагов пятнадцать, не больше. Площадь покрытия в стандартных условиях у меня в десять раз шире, в стрессовых достигает километра. Впрочем, надеюсь, до настоящего стресса по шкале Эрнана дойдет не скоро... Ну как, заметят или нет?

...да какого шраха!

Потеряв концентрацию, я дернулась, как от пощечины, и с трудом сумела опять сосредоточиться.

Чудики в балахонах на мои действия не обратили ровным счетом никакого внимания — ни на шевеления, ни на купол. Похоже, они его просто не почувствовали. Значит, не псионики. Это приятная сторона. Плохо то, что меня чуть не вышибло из транса от жуткого ощущения несовместимости.

Люди, определено. Но с совершенно незнакомой культурой, языком и, что страшнее, с абсолютно чуждым мысленным шаблоном.

«Спокойно, Трикси, — подбодрила я себя, стараясь не цепляться за охалку почерневших элирий, как кухня Лоран — за наддувной матрас в бассейне. — Рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего. Принцип здорового пессимиста».

Помогло.

Уже готовая к самому неприятному, я расширила купол еще на несколько шагов, поглощая всех похитителей разом. На сей раз было попроще. Чужие чувства и эмоции ощущались четко: раздражение, страх, предвкушение какой-то награды или удовольствия, зависть... Думали и обо мне, причем намерения были отнюдь не благожелательными: образ колебался от насилия к убийству, а фантазии и готовность к реальному действию переплелись так плотно, что одно легко можно было подменить другим. Значит, у меня проблемы.

Что ж, как говорил Эрнан, если эмпат попадает в группу врагов — у него уже преимущество. Ведь их можно заставить драться друг с другом.

Теоретически.

В моем случае прибавляется острая необходимость разобраться, на каком языке переругиваются похитители и где мы все,

собственно, пребываем... Но пока начнем с первого пункта: посеять вражду между похитителями. Где там у нас слабое звено?

Я крепко зажмурилась, отсекая лишние чувства.

Ага, вот этот, крайний, предполагает, что его могут обмануть. Ну что ж, можно попробовать и с ним. Глубоко вдохнув, я мысленно «дунула» на искорку недоверия и агрессии, стараясь не погасить. Та вспыхнула без малейшего затруднения: кем бы ни были эти люди, защиты от психокинетических воздействий они не знали и неожиданно легко поддавались влиянию. Тоже запишем в плюсы, хотя не факт, что это не простые исполнители и что настоящий устроитель похищения не бродит где-то рядом, зловеще посмеиваясь над моими потугами.

Остальные четверо тоже сразу поддались влиянию. Облако взаимного недоверия окутало группку так плотно, что его можно было различить «голым оком», по меткому выражению сестрицы Нэсс. Я приготовилась наблюдать за грядущей сварой, слушать и потихоньку вникать в незнакомый язык, когда произошло непредвиденное.

Появился рыжий.

Он возник в поле действия купола, и меня сразу выбило из транса: таких ярких, чистых и позитивных эмоций с толикой страха, неуверенности в себе и предвкушения «полной задницы» я не ощущала уже давно. Забавно: «полная задница» было первым словосочетанием чужого языка, которое легко распозналось и легло на уже знакомую основу. Даже картинка перед глазами вспыхнула. Пока я сидела и, роняя почерневшие элирии, приходила в себя от потрясения, тощий рыжий парень в темном костюме раскидал моих похитителей, как вентилятор — пенопластовые шарики. Что-то полыхнуло, взорвалось, загрохотало... Запахло жженой плотью, очень похоже на паленые волосы, но гаже, почти до рвоты. Купол схлопнулся до пары шагов в диаметре, и вовремя: недоставало еще отхватить потрясающих ощущений обожженного и умирающего человека.

А в следующую секунду рыжий оказался у моей клетки.

— Ты в порядке? — спросил он.

Голос оказался приятным, а смысл сказанного — понятным. Образы и эмоции ввинчивались в мою голову так, что на мгновение захотелось даже закрыться. Ментальное надругательство какое-то. Я кивнула, он недоуменно нахмурился: похоже, такая невербальная форма согласия была здесь не в ходу. Пришлось повторить, сопровождая пояснительным импульсом.

Рыжий вспыхнул радостью:

— Хорошо. Бежим!

Он двинул руками, как-то дико изгибая пальцы и запястья, и снова бабахнуло. Клетка развалилась на части, причем верх ее отшвырнуло шагов на тридцать. Рыжий ухватил меня за руку — меня, эмпата! — и вздернул на ноги.

А в следующий момент мы уже бежали как сумасшедшие, а я могла только мысленно вознести хвалу умнице Нэсс за то, что она отговорила идти на свадьбу на каблуках.

Каменный пол оказался предательски влажным и осклизлым. Кое-где попадались здоровенные пятна то ли плесени, то ли водорослей, и там скользили даже шипованные подошвы. Рыжий перепархивал через них с жутковатой грацией и каждый раз так дергал за руку, что плечо простреливало болью. Мы выскочили из пещеры и нырнули в туннель с низким потолком. Зеленоватый свет непонятно откуда, а наши тени, диспропорциональные, с троящимся контуром, насмешливо неслись на шаг впереди: а ну-ка догони, слабачка.

Вскоре дыхание сбилось. А рыжий скакал все так же резво, без сомнений выбирая дорогу на развилках. Хватка у него была стальная. Я чувствовала себя так, словно меня пристегнули наручниками к роллеру на полном ходу.

— Подожди... Не могу больше...

Легкие, кажется, разрывались. Ноги отказывались сгибаться. Эмпатический купол давно развеялся, но рыжий меня понял. Затормозил, успел подхватить прямо у пола и одним движением закинул на плечо.

От удара воздух вылетел из груди, и в глазах потемнело.

А мой спаситель опять ринулся вверх по скользкому подобию ступеней. Все происходило ошеломительно быстро, и уже мерещилось, что грубо отесанные камни сами задираются к потолку уступами, а тот испуганно отскакивает — так же рывками, дерганно. Еще через две развилки рыжий застыл и ругнулся — это и без эмпатии было ясно, — а затем вдруг взвился в невероятном прыжке.

«Голову расшибет о камень!» — промелькнуло в мыслях, но потолок куда-то исчез. И не только он.

Мы летели через расщелину, которая никак не кончалась.

Не кончалась.

Не кончалась!

Я не выдержала и заорала от ужаса. К шраму принципы дяди Эрнана, мы же сдохнем сейчас!

Не сдохли.

Рыжий приземлился на краю расщелины и даже устоял. Покачнулся немного, резко отставил ногу назад — и все. Я же беспомощно мотнулась, как кукла, цепляясь за его одежду, бросила взгляд на другую сторону пропасти и едва удержалась от вопля снова. У обрыва замерли, переступая с лапы на лапу, две чудовищные химеры, не похожие ни на одно известное науке животное. Полуметровые пасти с двумя рядами треугольных зубов наводили на исключительно печальные мысли о хищниках и месте незащитной женщины в пищевой цепочке. Над тварями приплясывали в воздухе зеленоватые светящиеся шары.

— Айры, — ткнул рыжий пальцем в сторону чудовищ; в голосе у него сквозили нотки досады. Ни страха, ни отвращения не было, что интересно. Затем он взмахнул свободной рукой, и зеленоватые шары перелетели через пропасть вслед за нами.

— Айры, — задумчиво повторила я, пробуя слово на вкус. Рыжий одобрительно хлопнул меня пониже спины, перехватил поудобнее и снова побежал по туннелю, постепенно увеличивая скорость.

Вскоре позади осталось несколько неправдоподобно больших пещер, где текли реки и росла настоящая трава, правда, белесоватая. Промелькнули вдали даже кусты с мелкой россыпью красноватых ягод или низкие ветвистые деревья, но зеленые шары-фонари не позволили разглядеть яснее, что там было. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Тут царилась ночь, безлунная и беззвездная, густая темнота лишь немногим отличалась от абсолютного мрака подземелий. Рыжий поставил меня на ноги и направился к лесу, на ходу гася «светлячки». Затем спустился в овраг, завел под естественный навес — переплетение корней, ветвей и сизоватых вьюнов под самым обрывом. И лишь там соизволил отпустить мою руку.

Я перевела дыхание. Сдерживать способности при таком близком контакте на протяжении почти что часа бешеной гонки... О, дядя бы мной гордился. А дорогая кузина Лоран наверняка выдала бы очередную гадость об эмпатах и праве на неприкосновенность...

Рыжий задал вопрос — поинтересовался моим состоянием, судя по обеспокоенному выражению лица. Пришлось вновь разворачивать эмпатический купол, не такой широкий, зато

сразу на третьей ступени интенсивности. Парень вздрогнул — похоже, ощутил что-то — и настойчиво переспросил:

— Ты в порядке?

Общий смысл был ясен, затруднение возникло только с обращением. Вероятно, в ходу тут было три формы вежливости — по крайней мере, из такого количества выбирал рыжий. Для себя я сразу решила переводить все в привычные категории, больше слушать и меньше говорить. И быть осторожнее с невербальными средствами общения — кивки и мотание головой мой новый знакомый явно не воспринимал.

Кстати, знаки для согласия и возражения лучше бы определить сразу.

— Да, — произнесла я четко, наклоня голову и посылая соответствующий импульс. — Нет, — добавила, покачав головой.

Рыжий сообразил тут же. Оказалось, что согласие у них — склонить голову к плечу. Отрицание — вздернуть подбородок, как у нас делают иногда, если не слышат, хотят уточнить что-то или ленятся показать направление рукой.

Продолжая расточать улыбки и трещать без умолку, рыжий разложил костер из подручного материала и поджег его щелчком пальцев. Я делала вид, что рассматриваю заросшие склоны, а сама чутко вслушивалась в чужие мысли, соотнося образы со словами и запоминая как можно больше.

Только это меня и спасло.

Агрессивное намерение проскочило фоном, не успело созреть до готовности действовать. Но образ был точь-в-точь как у тех ублюдков из пещеры — насилие и еще что-то очень неприятное.

Рассуждай логически, поступай рационально, ожидай худшего, так?

Я поступила рационально — соединила руки, замыкая энергетические каналы, и рывком вывела напряжение эмпатического купола на максимум.

Четвертая ступень, наибольшая из доступных мне. Воздействие на два порядка более интенсивное и в десять раз более энергозатратное, чем любые манипуляции на третьей.

Рыжего буквально придавило к земле. Он распластался у костра, осоловело глядя в темное небо. Мне тоже пришлось несладко, нормально подняться я не смогла. Проползла на четвереньках по мокрой траве и села ему на живот.

Какой же он весь горячий, шрах... от макушки до пяток, как в лихорадке.

Содранные от падения колени саднили, голова трещала, состояние — хуже не придумаешь. Но выхода нет. Надо проявить ситуацию как можно быстрее и полнее, чтобы не метаться от одной смертельной опасности до другой. И способ только один: просканировать «спасителя» прямо сейчас. Если повезет и транс не разветвится слишком быстро, то и язык немного подтяну... А извиниться за ментальное насилие можно и потом.

— Отнесись к этому как к медицинской процедуре, — посоветовала я от души, хотя он, оглушенный, конечно, ничего не понял.

Второй раз за вечер выйти на четвертую ступень оказалось еще сложнее. Единственное, что облегчало задачу, — нужно было делать не купол с равномерно рассеянным покрытием, а нечто вроде иглы. Концентрированной, тонкой, острой.

Ее-то я и вонзила рыжему в лоб — и пропала.

Как это ни абсурдно звучало, но меня, очевидно, утащили в другой мир.

Пока рыжий пребывал без сознания и тихо лежал под боком, теплый и безвредный, я размышляла и подводила итоги.

Те эксцентричные парни в балахонах, которые так феерически расстроили свадьбу кузины Лоран, считались тут кем-то вроде сектантов. Мысленный образ колебался от кустарных ремесленников до отступников, нечто малопочтенное и пугающее одновременно. Ритуал переноса виделся явлением обыденным, хотя и сложным: можно сравнить с запуском нового космического корабля у нас. Выдернутых из другого мира, то есть людей вроде меня, рыжий воспринимал как нечто среднее между подарком, другом по несчастью и конкурентом — алогичное сочетание. Себя он считал магом. Что ж, вполне возможно, судя по тому, что рыжий вытворял — прыжки, полеты, парящие светильники-шары, сам по себе вспыхнувший костер...

Шрах, это я сейчас признала существование магии? Я, псионик-рационал?

Дрова превратились в угли. Света от них было немного, но глазам, привыкшим к полумраку, хватало. Что ж, стоило признаться, что сканирование не много дало. Придется расспрашивать вживую. Словарного запаса после погружения в сознание моего «спасителя» должно хватить по крайней мере для понимания, а речь натренирую в процессе.

Над головой прошмыгнуло какое-то существо — летучая мышь или птица. Стало жутковато. Стараясь не шипеть от боли в перенапрягшихся мышцах, я заставила себя сесть, отряхнула платье и старательно вычесала пальцами из волос мелкие веточки и листья. Не удержалась и скосила глаза на парня, который, похоже, успел очнуться, но пока предпочитал не подавать признаков жизни.

Впечатление он производил неоднозначное.

Невысокий — судя по нашей беготне в подземелье, вровень со мной или чуть выше. Волосы рыжие, всклокоченные, но на ощупь, насколько помню, мягкие. Кожа ухоженная — значит, гигиена и косметические средства в этом мире точно на уровне. Скорее красивый, чем нет: лицо узкое, нос островат, зато глаза большие.

Что еще?

Худоцавый, но феноменально сильный и выносливый.

Еще?

Младше меня биологически, но, похоже, с крайне разнообразным жизненным опытом... Впрочем, не стоит мерить обитателей чужого мира по себе.

Еще...

Второй слой в сознании, скрытый плотным и толстым подобием щита из ярких и чистых эмоций, неагрессивных образов и понятных намерений. Вот это, пожалуй, опаснее всего. Проникнуть туда я не смогла даже с помощью иглы, только ощутила отзвук, отсвет, которого хватило, чтоб кожа покрылась мурашками животного ужаса. Если отдохну и помедитирую нормально, то сумею туда пробиться, скорее всего. Но не в ближайшее время, иначе окончательно выдохнусь и останусь даже без подобия защиты. Значит, нужно быть очень и очень осторожной.

Пока я размышляла и взвешивала, рыжий приоткрыл один глаз и слабым голосом произнес:

— У меня не выгорело, да?

— Не выгорело, — улыбнулась я, не размыкая губ. Если верить тому, что вертится в голове у этого парня, то демонстрация зубов здесь — агрессия. — А что ты хотел сделать?

— Завладеть добычей, — мрачно откликнулся он и сел, потирая затылок. До меня докатился отголосок головной боли. Да, сканирование — процедура неприятная. — Ты сильный маг, — добавил он.

— Может быть, — не стала я его разубеждать. Тем более для объяснения разницы между псиониками и магами словарного запаса бы не хватило. — Что значит «добыча»?

Рыжий замешкался. Не до конца оборванная ментальная связь принесла новый образ — то же насилие, что и раньше, но смягченное, с толикой вины. Уже что-то.

— Здесь рядом Лагон, — ответил он непонятно.

В мыслях промелькнуло несколько смутно знакомых понятий. Место, где учат магов; укрепленный бастион; резервация. Видимо, таинственный «Лагон» имел свойства и первого, и второго, и третьего.

Интересно.

— И что? Не понимаю.

Рыжий снова почесал в затылке и наморщил нос.

— Ну, Лагон... Тот, кто приводит в Лагон чужака, может на него претендовать. Добыча, — развел он руками беспомощно.

На рабовладение не похоже... Местные традиции? Прелестно. Надо разобраться.

— А если «добыча» отбилась? — продолжила напирать я, постепенно наращивая интенсивность связи. Рыжий, похоже, не чувствует, а мне так легче понимать.

Он повел рукой, и костер вспыхнул ярче, хотя гореть там было уже нечему.

— Если отбилась от одного, то претендуют другие. Отбилась от всех — самостоятельная. Но так не бывает. Ты послушай, это не страшно, — повернулся он вдруг ко мне, состроив совершенно несчастное лицо. На бледной коже отчетливо проступили веснушки — прямо как у сестрички Нэсс. — Это, ну... взаимовыгодно, понимаешь? — с надеждой спросил он.

Я едва не кивнула, но вовремя спохватилась и склонила голову к плечу.

— А выгода-то в чем?

Рыжий замаялся, явно намереваясь соврать. Ладно, пусть. Буду фильтровать.

— Я стану защищать тебя, дам одежду, еду, научу основам, — начал он, соблазнительно хлопая ресницами. — Все объясню. Не отдам другим. А у меня будет репутация покруче. — Это сленговое «покруче» замечательно легло на образ — прямо родным миром повеяло. — Ну и резонанс. Но резонанс можно потом, — добавил он и опасливо глянул на меня — поняла, не поняла.

Я сделала вид, что не поняла, хотя образы были более чем яркие.

Значит, «резонанс». Назовем это так. Что-то вроде ритуала, к которому можно как склонить насильно, так и добиться добровольного согласия. Моей смертью это не закончится, но будет, очевидно, очень неприятно. «Резонанс» сделает рыжего сильнее, повысит его социальный статус. «Выдернутые» вроде меня — идеальный материал, универсальный. Любой маг с руками отхватит. Значит, начнется охота...

Что ж, похоже, выбора нет.

Мысленно повторив заветы дяди Эрнана, я, с полным ожиданием худшего, выбрала наиболее рациональный вариант:

— Уговорил. Буду добычей. Но, — повысила я голос, привлекая внимание прежде, чем рыжего от радости на месте подбросило, — фиктивно.

— Фиктивно? — осторожно переспросил он.

Сложноватое понятие, видимо.

— Понарошку. Ты меня учишь, объясняешь, что к чему, помагаешь. Если не обманешь — я, в свою очередь, помогу тебе.

Рыжий сощурился:

— Слово мага?

— Слово мага. Но и ты дай слово, что сперва поможешь, — легко пообещала я. Не маг, а псионик — небольшое лукавство во имя выживания.

А в одиночку у меня шансы нулевые, особенно если вспомнить жутковатых химер из подземелья. Как с такими бороться? И что может противопоставить сильным этого мира бесправная чужачка? Вряд ли стоит рассчитывать на справедливый суд или вмешательство местной полиции, если она вообще существует. А отбиться от всех притязаний силой... Наивно думать, что получится. Я ведь не специальный агент, не боец какого-нибудь «нулевого отряда». Просто недоучившийся псионик, заточенный под работу с людьми и сопровождение делегаций. Неплохой выбор профессии в условиях цивилизации, где высоко котируется умение сглаживать конфликты и добиваться взаимопонимания между представителями разных культур. И где особенности не то что каждого народа — каждой семьи оберегаются, как драгоценность.

Сомневаюсь, что агрессивная силовая цивилизация высоко оценит мои таланты.

Слишком многое теперь зависит от ответа моего спасителя.

— Обещаю, — склонил рыжий голову к плечу. Повеяло торжественностью и тщательно скрываемым счастьем. — Танеси Тейт, — добавил он вдруг.

— Что?

— Танеси Тейт, — повторил рыжий, солнечно улыбаясь. — Или просто Тейт. Ты ведь моя добыча. А как тебя зовут?

Я сглотнула.

Один простой вопрос — и нахлынуло.

Несколько часов назад у меня было все. Безумная семейка, включая вредную кузину-блондинку, хорошие карьерные перспективы в отделе дяди Эрнана, первая практика с обеспечением поддержки дипмиссии... Впереди маячили дополнительные курсы по конструированию и моделированию, которые, возможно, перетянули бы меня на ступень выше. Свой дом — маленький, зато с видом на озеро и берег, поросший дикими элириями, которые вообще-то в столице кучу денег стоят...

А сейчас осталось только имя.

Резко выдохнув, я сморгнула дурацкую пелену с глаз.

— Трикси Бланш.

Рыжий потянулся ко мне и погладил по щеке. Бережно, нежно, явно опасаясь спугнуть.

— Не бойся, Трикси Бланш. Все будет хорошо. Добро пожаловать в Лагон.

Глава 2

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Розовые, шипящие, прыгающие, с клыками, когтями, шипами, крыльями и вообще какие угодно.

Из свитка «Загадки Лагона»

На ночлег мы остались там же, в овраге, под навесом. Гигиенические процедуры пришлось сократить до минимума. Рыжий великодушно отвел меня к ручью, позволил умыться и поплескаться холодной водой на руки и на ноги. После череды взрывов, падений и долгой беготни по пещерам — слабое утешение.

— Потерпи, — посоветовал он спокойно, сидя на камне и кое-как приглаживая собственную встрепанную шевелюру, пока я, шипя от холода, оттирала предплечье. Царапины удалось с горем пополам затянуть биокинезом, но корочка запек-

шейся крови осталась. — Дома накупаешься. И поешь нормально тоже. Тут я бы не рискнул.

— Почему? — спросила я.

В мыслях крутилось, насколько прилично будет задрать подол выше колен, чтобы хоть грязь смыть немного. У нас никто бы косо не посмотрел, особенно в экстремальной ситуации, но разные культуры — разные представления о дозволенном. Не хотелось бы по незнанию спровоцировать аборигена на домогательства...

— Айры, — беззаботно ответил Тейт, поглядывая на мои голые коленки с любопытством и одобрением, но не более того. Либо парень попался адекватный, либо платя здесь носили и покороче. — Они тут везде. В лесу, в реках и ручьях. Крылатых тоже полно. Мелкие, но противные, и половина из них — шпионы.

Стараясь не выглядеть слишком напуганной, я отдернула руку от воды — мало ли что там, на глубине.

— Айры разве не те огромные звери, которые остались на другом краю пропасти?

— Они не звери, — уточнил рыжий и озадаченно сдвинул брови. — Они... ну, айры. Бездушные. Бывают разные — маленькие, большие.

Интересно как. Бездушные — что-то вроде роботов, только с приставкой био? Экзотика... Но зато понятно, почему я не ощущала присутствия химер там, в пещерах. Наверное, куполом на третьей ступени засекала бы, но проверять версию в полевых, а тем более в боевых условиях не хочется.

— Ты сказал — шпионы. А чьи? — продолжила я. В особенности физиологии айров углубляться сейчас бессмысленно, лексики не хватит. И так даже с эмпатией и зачатками телепатии ощущаю вместо цельного образа какое-то расплывчатое пятно.

— Свободных. Ну, тех, кто тебя выдернул, — крутанул он запястьем неопределенно. Гибкость суставов вызвала уважение и опаску одновременно. Если все аборигены такие, то мне на их фоне уготована роль неуклюжей коровы...

Отставить панику. Казаться красивой, ловкой, умной и желанной — нормально для каждой девушки, но в моем положении лучше выглядеть глуповатой дурнушкой. Меньше будет претендентов на мою шкуру. И так для беспокойства хватает одного уникального качества — «добыча».

— А свободные — это кто? Служители культа, изгнанники?

— Не совсем. Если коротко — маги. Они не плохие, но против Лагона. И методы у них дикие, — добавил Тейт немного мечтательно, как будто втайне завидовал этим «свободным». — Если поймают нас и сумеют скрутить, то тебя используют и выбросят, а меня запытают до смерти, у них способов полно. Но ты не бойся. Я, наверное, отобьюсь.

— Наверное?! — Панические нотки в голосе плохо удалось скрыть. И с каких это пор люди так спокойно рассуждают о блестящей перспективе пыток до смерти?

— Я сильный, — скромно опустил взгляд рыжий. Судя по мысленному образу, напрашивалось какое-то продолжение, очень существенное «но». Нечто связанное со статусом.

Танеси Тейт — сильный ученик, способный расправиться с группой взрослых магов, но занимающий низкое социальное положение... Версия хорошая, но расспрашивать в лоб опасно — обидится, а мне пока нужно его благожелательное расположение.

— Вижу, что сильный. Ты здорово с ними разобрался там, внизу, — польстила я.

Он заулыбался, весь внутренне засиял, но почти сразу одернул самого себя и погнал меня от ручья — сказал, что почуял что-то ниже по течению. На берегу распылил мелкую желтоватую пыльцу и велел немедленно возвращаться к месту временной стоянки, если хочу немного поспать.

Интересно, вот это «почуял» было в буквальном смысле или фигуры речи в разных языках совпали?

Костер в овраге все еще горел, но света не было видно, пока мы вплотную не подошли — вот новый парадокс. То ли эффект местной магии, то ли что-то другое, не менее загадочное и иррациональное.

Спать Тейт планировал на земле. Ни жесткие корни, ни холод, ни насекомые его, похоже, не беспокоили. Но я-то — изнеженное дитя цивилизации! Видимо, на лице у меня все опасения проявились огромными буквами, потому что рыжий почти сразу предложил себя в качестве подушки и грелки. Очень велик был соблазн согласиться без раздумий, но в голове у него мелькали смутные надежды на нечто большее, чем просто совместный ночлег. И не поймешь из-за разницы в менталитете и трудностей с языком, то ли это обычные мысли для парня с нормальным гормональным фоном, то ли реальное намерение.

Один плюс, и то сомнительный: теперь хотя бы понятно, что по местным меркам я вполне себе девушка и вероятный партнер, а не только полезный для магических целей зверек женского пола.

— Ты такая осторожная, Трикси, — вздохнул Тейт, откровенно устав ждать ответа. — У вас там все такие? Мир опасный?

— Скорее, наоборот, — пожалала я плечами. — Этот кажется куда опаснее. Может, потому что незнакомый. Не знаю, как реагировать на самые обычные вещи. И не знаю, как ты будешь реагировать. Помнишь, я тебе объясняла, как у нас говорят жестами «да» и «нет»?

Рыжий задумался — серьезно так, прокрутил мысленно диалог пару раз, каждое слово пробуя на зуб. И понял все правильно, умничка.

Кажется, начинаю ему симпатизировать.

— У вас нельзя ночевать рядом? Неприлично?

— Зависит от ситуации, — ответила я, чувствуя облегчение. Забавно получается — в разъяснении таких вот мелочей и заключается работа псионика-сопровождающего. С делегациями так же трудно? Судя по дядиным лекциям — нет. А тут — сплошные подводные камни. Разница между мирами сказывается или банальная личная заинтересованность? — Если просто ночевать, когда выбора нет, то ничего такого. В моей стране, по крайней мере.

— У нас — тоже, — заметно повеселел Тейт и похлопал по земле рядом с собой. — Иди сюда. Между мной и костром не замерзнешь. И не подберется к тебе никто. У меня реакция хорошая. Лучше, чем почти у всех, — похвастался он.

Я думала, что не усну еще долго, тем более подушка из рыжего получилась костлявая и вертлявая. Но вырубилась почти сразу — сказалось напряжение. Два выхода на четвертую ступень эмпатии в день — не предел для меня, но близко к тому. Холод ночью действительно не мучил, однако проснуться пришлось не раз. Сначала — от жутких воюще-хлопающих звуков невдалеке, словно кто-то огромный оглушительно стонал, захлебываясь водой.

— Айры, — сонно пояснил Тейт, принялся к ночному воздуху, привстав на локте, и снова вытянулся, крепко обнимая меня под грудью. Жар от него шел, как от электроодеяла. — Спи. Нас не найдут. Жрут кого-то другого.

Так себе успокоение на самом деле.

Второй раз он разбудил меня сам. Хлопнул по ноге с силой, до синяка, и отшвырнул что-то визжащее за пределы светового круга от костра — и все это, даже не просыпаясь. Вот уж действительно уникальные рефлексy.

Третье пробуждение пришлось на рассвет. Рыжий растолкал меня, погасил костер и закидал его землей, потом сбегал к ручью и принес воды в хитро свернутом листе. Разрешил глотнуть немного, ополоснуть лицо и руки, отпустил на минуту за кусты под строгим контролем — и мы стали выбираться из оврага.

Теперь, при свете, я смогла хотя бы немного оценить окрестный рельеф и флору. То, что ночью показалось открытым пространством, было на самом деле колоссальной каверной, каменной чашей с сильно загнутыми внутрь краями-скалами. Небо почти как у нас — бледное, рассвет — розовато-золотистый. Растительность экзотическая, но в целом узнаваемая — те же листья, иголки, ветви и корни. Правда, частая щетка кустов обратилась на заре в траву высотой в два человеческих роста, еще и цветущую к тому же ярко-розовыми и сиреневыми метелками. Листва была зеленая, но с отчетливым синим подтоном, некоторые растения вообще выглядели сизыми и лиловатыми.

— Нам туда, — сразу указал рыжий на противоположный край «чаши». — Там проход и транспорт. Идти надо сейчас, и причем быстро.

— Почему? — спросила я, чувствуя, что ответ мне не понравится.

— Погоня. Ты нужна свободным. Редкая добыча. Ну как, бежим?

— Спрашиваешь!

И мы побежали.

Темп был ниже, чем вчера, — уже хорошо. Биокинез поначалу выручал — позволял регулировать дыхание и усталость, минимизировать последствия перенапряжения для мышц и связок. Но с первой ступенью много не сделаешь, да и за пределы возможностей организма не выйдешь — отвратительно нетренированного организма, стыдно признать. Хотя Тейт явно вел меня по легкой дороге, избегая участков с завалами, резкими подъемами и высокой травой, а когда требовалось, сам переносил через трудные места, через два часа я была выжата. Своеобразный рекорд, дядя Эрнан бы оценил, но он, к сожалению, остался в другом мире.

Язва Лоран тоже, к счастью.

Надо было прояснить одну вещь, и чем скорее, тем лучше.

— У вас тут... все такие? Выносливые?

Рыжий сел рядом со мной на корточки, сочувственно погладил по голове.

— Нет. Говорю же, я сильный. Почти самый сильный. Хочешь, понесу? Мне не сложно.

— Хочу, — позорно сдалась я, уже не думая о культурных различиях, провокациях для аборигенов и прочей шелухе. Если не могу идти сама, а за нами погоня — надо довериться. — Только не головой вниз, как вчера. Мне нельзя, особенно если долго.

— Так никому нельзя, — искренне смутился Тейт. — Извини. Я тогда не подумал.

В итоге пришлось забраться ему на спину и схватить руками за плечи. Он поддерживал меня под коленками и умудрялся бежать почти так же резво, как вчера. Несколько раз мы натыкались на небольшие реки и провалы в земле. Рыжий, не снижая скорости, перескакивал через них и несся дальше. Но только закралась мысль исследовать биокинезом этокое неутомимое и выносливое чудо, как он повел конопатым носом и скомандовал:

— Привал. Вроде оторвались, можно отдохнуть.

Сказал — и отдохнул. Сбросил меня на землю без всякой деликатности, сам повалился рядом и вытянулся минут на пятнадцать, закрыв глаза и глубоко дыша. Бледные щеки покрылись красноватыми пятнами, грудь резко вздымалась и опускалась.

Я решила воспользоваться временем и хоть немного привести себя в порядок. Волосы удалось кое-как разобрать пальцами. Заплетенная коса не держалась — связать конец было нечем. Платье испортилось безнадежно; ярко-красными остались только несколько участков, остальное впитало грязь, едкий травяной сок и плесень из подземелий.

Тейт очнулся, когда я вертела в руках ободок усилителя и прозрачный усик микрофона, думая, куда бы их пристроить. Не на голове же носить постоянно, право слово. Хватило и того, что ночевать с ними пришлось. Выкинуть — тоже жалко...

— Это что? — среагировал он мгновенно, гибко поднялся и подсел ко мне почти вплотную. — Техника?

— Вроде того, — склонила я голову к плечу в знак согласия.

— О, круто! А можно посмотреть? Что она делает?

— Звук речи усиливает. Там кнопка включения и колесико, чтоб интенсивность регулировать...

— Пробовать тут не будем, — благоразумно рассудил Тейт, покрутил обруч и прикрепил себе на бок, под специальный ремешок. — А то все айры сбегутся со свободными вместе. Дома посмотрим. Если заработает, то продадим в ложу искусников. На выручку купим тебе одежду и другое, что нужно. Иномирная техника редкая, она обычно взрывается от перехода. Бывает, что выдергивают человека, а у него такая штука на шее или на груди. Рванет — вот тебе и дыра. А вызывающий — с пустыми руками и злющий, короче, все кисло. С мертвецом — никаких резонансов. Даже для извращенцев, — смешно наморщил он нос.

Но веселиться что-то расхотелось. Да, можно сказать, что мне повезло — и выжила, и попала к нормальному человеку. Больно мерзкими оказались оба образа, которые сопровождали речь — и «выдернутые» с чудовищными ранами, явно воспоминание, а не воображаемая картинка... и те самые извращенцы.

Похоже, что с кем-то из них у маленького Тейта были свои счеты. Даже странно, что у него такая здоровая психика после этого. Или я что-то поняла неправильно?..

Ладно, лучше пока не копать глубоко. Есть вопросы и более насущные, бытовые.

— Слушай, а как у вас одеваются?

Он повернулся ко мне в упор и смерил внимательным взглядом, а затем ответил:

— Увидишь. Такое, как у тебя, не носят. Вроде моего в принципе многие надевают, но это не одобряется. Хотя когда ты сильный, то можно хоть в двух веревочках расхаживать, а если кто сделает замечание... — Тейт с тонким намеком улыбнулся, слегка обнажив безупречно белые зубы. И вдруг спросил: — А можно потрогать?

От неожиданности я как-то пропустила образ мимо, хотя купол был концентрированный, на второй ступени, и растерялась.

— Потрогать что?

— Тебя, — ответил он с убийственной прямоотой.

Ворох образов на заднем плане был на редкость разнообразный, но любопытство откровенно превалировало. Вот и думай, кто он на самом деле — дикое дитя природы или интриган, который лелеет коварные планы.

Ну да, коварные планы. По соблазнению окольными путями девушки из другого мира, которая де-факто в полной его власти.

— Зачем?

— Любопытно. Вчера темно было, а сейчас разглядеть хочется, — объяснил рыжий, нахально глядя из-под свесившихся прядей. Наполовину врал, между прочим, — судя по мысленным образам, интересна ему была моя реакция на вопрос, а не только сама внешность.

Ну что ж, в эту игру и вдвоем играть можно. Он наблюдает за мной, а я — за ним.

Чудесный досуг. Самое то во время погони.

— Ну давай, — вздохнула я.

Тейт с готовностью придвинулся еще ближе, хотя куда уж там. Дыхание у него немного участилось, сердцебиение — тоже, и не заметишь без сверхчувств. С минуту он просто сканировал меня взглядом — вниз-вверх, как робот, а потом с осторожностью протянул руку и дотронулся до волос. Отделил один локон, намотал на палец, несильно дернул, погладил, завел за ухо.

— Темные, очень... Черные.

— Это редкость? — сразу напряглась я. Сильно выделяться не хотелось. — Здесь таких не бывает?

— Бывают, но настолько темные — нечасто, — зачарованно вздохнул он и покачнулся из стороны в сторону всем корпусом, рассматривая с разных углов. Выглядело это диковато. — А тут что? — дотронулся он до металлического колечка в ухе.

— Сережка. У нас их носят для красоты.

— Там дырка насквозь? — искренне удивился рыжий. — Странно как. И не больно?

— Нет. Прокалывают специальным аппаратом, не чувствуешь ничего...

Его интересовало все. Отсутствие швов на платье, мелкие шипы на подошвах моих туфель, широкие золотистые узоры на запястьях с голографическими «капельками» — временных татуировок здесь не знали, и в то, что такая яркая штука через пару месяцев поблекнет и сойдет, он сразу даже не поверил. Особенно рыжего заинтересовали мои руки. Он каждый палец рассмотрел, а сверкающую инкрустацию на ногте безымянного даже лизнул.

Я тоже наблюдала — и не только за его мысленным фоном. Смотрела и... трогала, да.

Почему нет, в конце концов.

Вблизи и при ярком дневном свете Тейт показался еще симпатичнее, чем вчера. Волосы были пронзительно-рыжими — не как медь, а как апельсин, с густой краснотой у корней, прямыми, глянцево блестящими и безбожно спутанными. А кожа под легким слоем пыли — очень гладкой и нежной, кузина Лорен от зависти бы отравилась своими чудо-сыворотками. Кисти и ступни были крупными, но аккуратными — вытянутыми, не слишком широкими. Подушечки пальцев — откровенно грубоватыми, скорее мозолистыми. Удлиненные ногти — твердыми, пластиковый усик микрофона такими легко процарапать насквозь.

Но поразило меня не это. Ну невысокий, ну жилистый и сильный, мало ли подобных. Кожа хорошая тоже встречается, не которым с природными данными везет...

— У нас глаза одинаковые, — сказала я тихо, отведя с его лица рыжие пряди.

Он резко дернул головой вбок — то ли в знак согласия, то ли уходя от контакта — и рефлекторно опустил ресницы.

— Угу.

Удивляться было чему. Цвет моих глаз, как и большинство ярких черт и особенностей, являлся исключительно заслугой мамы, опытного биокинетика пятой ступени. Я редко болела, у меня отсутствовали врожденные пороки и сколько-нибудь серьезные проблемы с кожей или волосами — как и у Нэсс с братьями, собственно. Но после троих светленьких детишек подряд мама поддалась моде на все восточное, решила побаловаться с моими данными и запрограммировала гладкие черные волосы... и синие глаза, очень темные, настолько, что оттенок можно было различить только на ярком свету.

Но я-то продукт биокинеза. А Тейт? У него это... естественное?

Спросить он не позволил. Подался вперед с нечеловеческой резвостью, сгрэб меня в охапку, сдавил едва ли не до хруста костей — и вдруг лизнул в щеку, затем в другую и быстро прикусил голую ключицу.

У меня сердце чуть сквозь ребра не выскочило. Концентрация слетела, сверхчувства умолкли. Я медленно сдвинула ноги, скрещивая щиколотки, замкнула энергетический контур, вышла на третью ступень эмпатии и заново развернула купол.

От рыжего — никакой агрессии. Зато сильное чувство вины, любопытство, симпатия, вполне понятное влечение ко мне... и беспомощная злость. На кого-то другого.

Оттуда, со второго слоя сознания, до которого я не добралась.

— Ты чего, Тейт?

Он, кажется, улыбнулся и честно ответил:

— Пытаюсь сойти за дикаря. Вдруг прокатит и мне что-нибудь обломится?

Я хихикнула против воли. «Прокатит», «обломится»... Образы шикарные. Чувствую, когда немного подучу язык, речь Тейта расцветет невиданным богатством оттенков.

— Не обломится.

Точно не сейчас, когда у меня от стресса ум за разум заходит, ужасно хочется наплевать на три правила Эрнана и положиться на сильного и вроде бы доброго чужака.

— Жаль. — От рыжего повеяло разочарованием.

А мне вдруг стало смешно. И я задала вопрос, который долго уже витал на границе сознания:

— Слушай, а сколько тебе лет?

— Двадцать! А тебе?

— Двадцать четыре. Но мне тут еще одна мысль в голову пришла. А представления о времени у нас совпадают?

Он с любопытством отодвинулся, снова заглядывая мне в лицо, и мы углубились в подсчеты, сверяя часы. Я даже задействовала первую ступень конструирования и моделирования, чтобы создать визуальную таблицу с условными кружочками и палочками вместо цифр. На Тейта эти спецэффекты особого впечатления не произвели, кстати — неудивительно, учитывая, что здесь в ходу магия.

Вскоре выяснилось, что день делился тут на пятнадцать равных отрезков — десять на бодрствование, пять на сон. Один отрезок назывался «сет», и уже он дробился на сотню фрагментов поменьше — на «каты». Несложное сравнение показало, что их каты и наши минуты — примерно одно и то же. Значит, и сутки делятся столько же.

— Удобно, — вслух констатировала я. — Легче будет перучиваться. Но надо же, как совпадают мелочи в разных мирах...

— Пф, нашла чему удивляться, — фыркнул Тейт, с любопытством трогая пальцем полупрозрачную схему расчетов. Она дрогнула и расплылась, точно круги по воде пошли. — Ритуал

вытягивает самых подходящих. Зачем свободным «выдернутый» вроде айра, с щупальцами и жвалами? Или тот, кто от нашей еды и воздуха в два счета загнется? Выбирают людей из похожих миров. Наверно, и всякое такое тоже совпадает.

Что ж, в логике ему не откажешь. Как незабвенным «ритуалам». Вот еще важный пункт, магические заклинания обладают волей и интеллектом? Или это просто программы, вроде компьютерных и биокинетических?

Задать этот крайне любопытный вопрос не получилось.

Тейт внезапно схватил меня за плечи и отшвырнул себе за спину.

От удара воздух из легких вышибло. Я с трудом поднялась на колени, прокашливаясь, и позорно пискнула.

На том месте, где мы сидели мгновение назад, из земли торчала здоровенная гибкая змея с треугольной головой — бледно-зеленая, с лиловыми размытыми полосами. Три алых глаза смотрели в разные стороны. Рыжий стоял напротив твари, сцепив пальцы в замок, бледный и сосредоточенный.

Купол эмпатии ничего не регистрировал. Айр? Бездушный? Видимо, так.

А потом змеюка вдруг растопырила на голове громадный веер из полупрозрачной розоватой кожи или пленки, влажный и трепещущий. Тейт резко разомкнул руки — и пространство на десять шагов впереди него мгновенно обратилось в ревуший огненный кошмар. Змея буквально растаяла. От нахлынувшего жара меня опять скрутило в приступе кашля, а волосы затрещали.

Шрах, надеюсь, не вспыхнут!

— Дурак, ой дурак, — застонал рыжий, закинул меня на спину, не позволяя даже отдышаться толком, и ломанулся прямоком через заросли. — Отвлекся. Засекли!

— И теперь что? — крикнула я ему в самое ухо, с трудом поймав равновесие.

— Теперь все полный отстой!

Понятно было и без эмпатии, честно говоря.

Он резко свернул и ломанулся в заросли высокой травы с фиолетовыми метелками. Я ойкнула — закрывайся не закрывайся, а узкие жесткие листья резали, как бритва. Руки быстро покрылись мелкими порезами. Позади что-то взвыло и захлопало, точь-в-точь как ночью. Трава резко закончилась — обрывом под ногами, слепящим солнцем в лицо. Мимо что-то про-

свистело, шипя, как гаснущий фейерверк, и часть противоположного берега почернела, обваливаясь в ревущую реку вниз.

Я не орала по одной причине — воздуха не хватало.

На той стороне рыжий мгновенно развернулся на пятках, выпустил меня, освобождая руки, что-то сделал — и заросли сизовой травы полыхнули гигантским костром. В ответ вылетел черный масляный шар, шипящий и искрящийся.

Тейт ругнулся и с размаху отшвырнул его ногой обратно, по плавной дуге. Я только и успела заметить, как вокруг ботинка вспыхнул огненный ореол.

— Подавитесь!

За обрывом раскинулся лес, утопающий в голубоватых мхах. Там пахло чем-то кислым, с примесью сырого мяса, до тошноты. Чистого пространства без рыхлой голубой «губки» почти не было, но рыжий избегал наступать на нее и скакал с одного поваленного дерева на другое, с камня на камень. Две щетинистые химеры, которые ринулись за нами, отстали очень быстро — вляпались в одно такое голубоватое мшистое пятно, а выскочили обратно уже с оголенными костями. Одна, похожая на ежа с жилистыми ножками, сразу завалилась набок и затихла, а другая, более массивная, сделала несколько шагов и опрокинулась, конвульсивно дрыгая оплавленной лапой.

Меня перекосило от ужаса.

Если промахнемся и рухнем в этот красивый мягкий мох...

За лесом была очередная расщелина, еще шире и глубже, затянутая желтоватой паутиной. Тейт пересек ее по упавшему дереву, потом развернулся, двинул рукой — и ствол с чудовищным хрустом надломился посередине.

Надломился, но не упал, остался жалким подобием моста. А паутина предвкушающе зашевелилась, и кто-то внизу заклекотал и защелкал.

Впереди высилась колоссальная стена скал. Но до нее путь лежал через ровное, абсолютно открытое поле сплошь в сизых вьюнах и гибких хвощах. Справа и слева наперерез нам скользили в полуметре над землей люди в балахонах. И простейшие подсчеты говорили, что мы сойдемся в одной точке, аккурат посередине...

Тейта это не смутило.

Он ринулся вперед с удвоенным энтузиазмом, передвигаясь гигантскими прыжками, и оглушительно свистнул на ходу. Затем поднапрягся, взвился особенно высоко...

...и шлепнулся на спину очередной твари, прозрачной, как стекло, и шершавой на ощупь — то ли в жестких перьях, то ли в чешуе.

— Ну, ну! — заорал рыжий, с размаху ударяя кулаками по невидимой спине.

Существо вздрогнуло, встопорщило «перышки», стремительно темнея, и взмыло в небо ошеломительно оранжевой птицей с четырьмя мощными крыльями. Тейт слегка отъехал назад, к подобию седла, попал ногами в крепления, перехватил одной рукой какие-то ремни и ловко пристроил меня впереди себя, крепко обнимая поперек живота.

Эмпатический купол к тому времени сжался до неприлично маленького диаметра. Но большего нам, похоже, и не нужно было. Я бессильно обмякла — слишком много впечатлений и усилий. Лицо щипало, от волос несло паленым.

Чучело по имени Трикси, да.

— Эй, взбодрись! — затормошил меня рыжий и требовательно прикусил за ухо. — Ну не будь занудой! У нас получилось. Смотри!

Он потянул за ремни, заставляя свою птицу сделать широкий плавный круг. Пересилив дурноту, я повернула голову, глядя вниз.

Отсюда, с высоты, смертоносная долина напоминала фантастический каменный цветок с полураскрытыми лепестками. В стороны от нее тянулись горные цепи — как складки лоскутного одеяла, где-то зеленоватые, покрытые растительностью, а где-то — белые от снега. И даже красные — от чего именно, ума не приложу. По левую руку от солнца скалы задирались выше, по правую постепенно сходили на нет и упирались во что-то гладкое, синеватое, сверкающее... Озеро, море, океан?

Наверное, океан. Какой огромный...

От ощущения головокружительной высоты и простора дух захватывало.

— Красиво? — с гордостью спросил рыжий, точно все вокруг было плодом его неустанных трудов или, по крайней мере, частной собственностью.

— Красиво, — признала я.

Пожалуй, кое в чем мы сходились, несмотря на культурные различия.

Глава 3

ХУДШИЙ УЧЕНИК

Снаружи — камни, травы, дерн, вьюны, а внутри — сплошные проблемы и хаос.

Из свитка «Загадки Лагона»

Единственное, из-за чего я всегда завидовала своей пустоголовой кузине, — это умение высыпаться в путешествиях и выгладеть блистательно после самой тяжелой дороги.

Помню, два года назад, когда случилась какая-то путаница с билетами и нас посадили в конце салона, у самых туалетов, а полет проходил от турбулентности до турбулентности, Лоран безмятежно продремала весь восьмичасовой рейс до Шерерских островов и потом спустилась по трапу такой же ослепительной стервой-блондинкой, какой и поднялась на борт. У нее даже локоны не растрепались. Ну а меня даже тетя Глэм при встрече не узнала из-за вороньего гнезда на голове и шикарных синяков под глазами от недосыпа... Но стоит ли упоминать о таких мелочах?

Сейчас, после нелепо короткого ночного сна и безумного забега через долину-ловушку, самым рациональным решением было бы отдохнуть хотя бы в полете, чтобы не представлять перед обитателями Лагона угрюмой дикаркой. Благо взмахи крыльев гигантской птицы вскоре перестали ощущаться, а держал меня Тейт крепко. Но стресс подействовал как хорошая инъекция кофеина. Все три с лишним часа — два сета или около того, по уверению рыжего, — я только и делала, что вертела головой и задавала вопросы. Да и поглядеть было на что.

Ландшафт поражал воображение — как в хорошем смысле, так и в дурном. Путешествовать с группой Эрнана мне пришлось достаточно — десятую часть обитаемого мира мы объехали точно. Однако таких перепадов высот у нас, думаю, нигде не было. Западная Арраска с ее каньонами и пиками по сравнению со здешними пейзажами была все равно что песчаные карьеры рядом с настоящими горами. К тому же рельеф менялся столь резко, что впору заподозрить — его сформировали искусственно, в общем, Тейт и подтвердил это косвенно, сообщив, что в древности окрестными землями «много занимались».

Думать не хочу, что он подразумевал. Воздействие такой силы...

Первую горную гряду мы миновали по ущелью — грандиозному, глубиной километров двенадцать, не меньше. То был настоящий естественный лабиринт: повороты, развилки, слияния, слепые «туннели»-перемычки между разными «рукавами». Но рыжий ориентировался там вполне уверенно. Несколько раз мы пересекали тайные долины в обрамлении загнутых внутрь скальных «лепестков», и каждая следующая не была похожа на предыдущую. Одну из них я вообще издали приняла за море: она переливалась изумительными оттенками синего — от светлой бирюзы до насыщенного кобальта, от ультрамарина до нежного бледно-голубого, а на подлете слышался низкий гул и ритмичный плеск. Запах йода, плесени и сырого мяса там стал особенно сильным.

— Опасно, — качнул поводьями рыжий, когда заметил, как я засматриваюсь на это чудо. — Надо уходить выше.

— А что внизу?

— Ну... — растерялся он, не зная, как объяснить нечто очевидное с его точки зрения. — Помнишь гаюс? Такую голубую штуку в лесу, где за нами айры бежали?

Я тут же ярко представила химеру с оголенными костями. Захотелось поджать ноги, хотя до смертоносной синевы было километров пять или около того.

Ущелье вывело нас в долину, точно сшитую из клочков ткани. Сказочно изумрудные холмы вдруг сменялись ковром из алых и пурпурных цветов, а затем сразу, без намека на переход, выростала стена деревьев-великанов, обрамляющих глубокую воронку в земле или темно-синее озеро. Две широкие реки стекали с гор и ближе к краю долины сливались в одну, и в общем русле россыпью лежали мелкие островки, словно кто-то опрокинул коробку с детскими карамельками. Здесь Тейт заставил свою оранжевую птицу спуститься и пролететь ниже; ее тень скользила по водной глади, и кто-то в глубине, быстрый и едва различимый, гнался следом, так что иногда можно было разглядеть сверкающий гребень или гибкий хвост.

За долиной скалы опять начали задираться к небу. И стало ясно: то, что поначалу казалось скоплениями облаков, на самом деле горные пики. По самым скромным подсчетам, километров пятнадцать высотой! А то и больше... Вершины терялись в тучах, словно нарочно согнанных в стаю вокруг каменных исполинов.

Мимо одного из таких колоссов мы как раз и пролетали, когда рыжий вдруг наклонился к моему уху и интимным тоном сообщил:

— Лагон — тайное место, цитадель. Но все равно каждый маг может найти сюда дорогу. Только пускают не любого.

— Тебя-то, надеюсь, пустят? — поинтересовалась я осторожно.

Эмпатический купол к тому времени был свернут до минимума, чтобы сэкономить силы. Но если словарного запаса хватало для общения, то различать оттенки интонаций пока еще получалось не слишком хорошо. И то, что вытворил Тейт вместо ответа, повергло меня в шок.

Рыжий цокнул языком и дернул за один из ремней. Птица встрепенулась... и резко сложила крылья.

Черно-алые скалы рванули навстречу с быстротой и неотвратимостью экспресса в подземке. Точно не мы на них падали, а они — на нас. Дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы. Склон оскалился бритвенно-острыми сколами — даже разбиться не успеешь, разрежет на подлете, без боли.

А Тейт, сволочь, захохотал в голос!

«Он не самоубийца», — подумала я. А поверить не успела — и зажмурилась.

На ощупь скалы были точно упругий поток теплого воздуха в аттракционе типа аэротрубы. Слезы мгновенно высохли. Падение сначала мягко замедлилось, а потом остановилось. Птица с металлическим скрежетом раскрыла крылья и начала упорно продираться сквозь преграду, когда я наконец открыла глаза. Вокруг висел плотный багровый туман. Через мгновение он сгустился еще больше — и выплюнул нас на открытое пространство. Точнее, на окраину секретной долины-чаши, близняшки той, где прятались свободные.

Фальшивый скальный купол изнутри был совершенно прозрачным и позволял разглядеть ясное небо с жизнерадостным блином солнца. Света более чем хватало. Химерическая птица, повинуясь сигналу, спланировала на ровную площадку. Тейт подхватил меня на руки и спрыгнул на землю.

— Отпустить тебя, Трикси? — спросил он коварно. — Или ноги пока не держат?

Честное слово, я такую жажду убийства не испытывала даже рядом с милой белобрысой кузиной.

— Послушай, тебе кто-нибудь говорил, что ты мелкое пако-
стное зло? — спросила я, стараясь с помощью купола донести
смысл максимально ясно.

Однако рыжего это смутило не больше, чем проповедника
из «Свидетелей Альтернативы» — закрытая перед носом дверь.

— Говорили, — признал он и с толикой гордости добавил: —
Ты даже не представляешь, что и как часто мне говорят.

— Учту. А теперь убери руку из-под платья. И поставь меня
на землю.

Послушался рыжий беспрекословно — уже хорошо. А пока я
приходила в себя и приводила в порядок одежду, он снова за-
свистел, но в иной тональности, чем прежде. Крылатая химера
вытянула шею, топорща жесткие перья, щелкнула зубастой па-
стью, больше подходящей какому-нибудь древнему ящеру, и —
начала стекленеть. Через несколько секунд она стала совершен-
но прозрачной и почти бесшумно побежала в сторону ближай-
ших зарослей, оставляя на влажной почве заметные вмятины.

Злость из-да дурацкой выходки как-то испарилась, стало не
по себе. И подумалось, что размеры размерами, но вообще-то по
законам физики летать такое диво не может. И уж тем более —
носить на спине двух пассажиров.

— Слушай... А вот это был айр, да?

— Угу, — подтвердил рыжий.

— И откуда он у тебя?

Откровенно признаться, я не собиралась подкалывать Тейта
или смущать. Но он вдруг стушевался и по-детски уткнулся
взглядом в собственные ботинки.

— Ну... Может, мне его подарили, потому что я такой хоро-
ший?

«Подарили»? Ну-ну. Откуда тогда воспоминания о чудо-
вищном нагоняе, интересно.

— Может, — не стала я спорить. — А мы сейчас где?

Рыжий встрепенулся.

— В Лагоне. И, кстати, чуть не забыл сообщить нашим.

Он торжественно воздел к небу ладонь, сжал руку в кулак —
и высоко вверх, едва ли не до невидимого купола, ударил фон-
тан трескучих оранжевых искр. Длилось это всего несколько
секунд, потом Тейт зашипел и принялся трясти рукой, словно
обжегшись.

— Вроде хватит. Пойдем. — На лице у него была написана
смертельная решимость.

Мне это очень, очень не понравилось.

— Ты ничего не хочешь сказать? Может, мне надо переодеться? — Прикусив губу, я нервно попыталась одернуть подол пониже середины икр, но платье, увы, не тянулось. — Там какая-то опасность? Сначала надо подготовиться? — Шрах, трещу тут, как Лоран в бутике! Позорище... — Ты можешь хоть что-то ответить? Понимаешь, что я говорю?

Рыжий развернулся, сгреб меня в охапку и уперся лбом в лоб.

Дыхание перехватило.

— Ты моя добыча, — произнес он четко, глядя в глаза. — Я тебя никому не отдам. Ничего не бойся и верь мне. Поняла?

Я кивнула, потом спохватилась и склонила голову к плечу. Он усмехнулся и потрепал меня по волосам.

Ноги почему-то подгибались сильнее, чем после падения сквозь фальшивую скалу.

Долина оказалась больше, чем я подумала вначале. В отличие от убежища свободных, рельеф здесь был разнообразнее. Вдалеке виднелось несколько больших холмов и четыре узкие высокие скалы, напоминающие то ли башни, то ли сталагмиты-переростки. Одну широкую расщелину мы обошли по дуге, другую пересекли по каменному мосту. В ближайшем лесу преобладали знакомые уже деревья-великаны с пронзительно-зеленой листвой, но попадались и заросли травы с розовыми соцветиями-метелками. Смертоносная голубая «губка» нигде не мелькала, и то славно.

Когда мы вышли на дорогу, вымощенную светлым камнем, то мне стало жутковато. По обочинам время от времени попадались небольшие шары из материала, напоминающего красно-зеленый мрамор, испещренные полустертыми белыми значками. Шаги порождали гулкое эхо, притом что отражаться звуку вроде было не от чего.

Ни дать ни взять фильм ужасов, где компания глуповатых подростков крадется, нервно перешучиваясь, в какой-нибудь древний храм.

Я попросила остановиться ненадолго, уселась в любимую позу для концентрации потоков — со скрещенными щиколотками — и развернула широкий, на сорок шагов, эмпатический купол второй ступени, как можно более рассеянный и незаметный.

«Ожидай худшего». Если первые два правила дяди Эрнана иногда бесполезны, то это подходит всегда.

Вскоре полоса из светлого камня уперлась в подножие холма, высокого и пологого, со скошенной вершиной. Основание было, по самым грубым прикидкам, километра три в диаметре... Впрочем, с оценкой на глаз таких вот громадин у меня туговато. В конце дороги высилось дерево в три обхвата с густой кроной, сильно прижатое к склону. Нижняя ветвь, с человеческий корпус толщиной, росла от основания под острым углом. С нее свешивались жесткие вьюны, покрытые мелкими белыми цветами. Тейт сглотнул, покрепче сжал мою руку, затем, упрямо склонив голову, отвел в сторону эту естественную «занавеску» и шагнул в открывшуюся арку.

То, что я приняла за холм, оказалось кольцом высоких стен.

Внутреннее пространство было выложено тем же светлым камнем. В нагромождениях скальных обломков я не сразу опознала строения, но потом заметила двери-щели, занавешенные нитками бус и вьюнами... и почти сразу почувствовала присутствие других людей.

Они просто выходили из своих странных домов, но по ощущениям — выплывали, как призраки. Высокие — по большей части выше нас с Тейтом. Непривычно одетые... У одних — сильно облегающие трико, на которых внизу накручено множество лент, наподобие юбки скрывающих силуэт, но не мешающих двигаться. У других — сочетание невероятно широких брюк, перетянутых у колен и у щиколоток, со свободной кофтой, подобранной у пояса, локтей и запястий так, что казалось, точно фигура состоит из шаров. У многих головы закутаны легкими шарфами на манер рыхлого тюрбана, и у всех такие же шарфы широкими кольцами лежат на плечах в несколько слоев.

Стрижки короткие, максимум — волосы до середины шеи.

И, страх, даже непонятно, кто женщина, а кто мужчина...

Я рефлекторно выпрямила спину и расправила плечи почти до боли.

Рыжий упрямо вздернул подбородок. Между бровями у него пролегла едва заметная вертикальная складка. Многие из тех, кто попадал в мой купол, ощущались размытыми тенями, эмоции и мысли словно что-то глушило. Никакой прямой агрессии, но у некоторых — ярое неодобрение, липкая зависть, злость, предвкушение неприятностей для кого-то другого. У других наоборот — сочувствие. В двух или трех местах мигнули теплые чувства — симпатия, радость, восхищение.

Большинство же были как зрители в цирке, когда дрессировщик без хлыста выходит к хищнику.

— Я вернулся, — громко сказал Тейт. Тут же притихли те, кто до сих пор перешептывался. — И не один.

Здесь собралось примерно три десятка человек, и постепенно вокруг нас сжималось кольцо. А после этих слов точно волна разошлась — любопытство, недоверие, жадность. Я ощутила уже знакомый образ: «насилие — использование — выгода».

Резонанс.

Ох, мамочка и папочка, дядя Эрнан, дорогая Нэсс, заберите меня отсюда...

— Вижу, — произнес кто-то красивым певучим голосом, звук шел оттуда, где было особенно густое пятно зависти и злости.

У меня мурашки по спине пробежали. Но продолжить незнакомцу не позволили. Вдали вдруг завопил кто-то и с размаху врезался в толпу. Кто успел, тот сумел отступить в сторону.

Кто не успел, оказался на земле.

— Тейт, тварь рыжая! — заорал новоприбывший, расталкивая локтями последний, ближний ряд, и метнулся к нам черно-белой кометой. Он был высок и тощ, одет в белое трико с паутиной серых лент от бедер до колена и в два черных шарфа — на голове и на плечах. От него разило чистым восторгом, как новыми духами — от сумочки Лоран на выходе из парфюмерного. — Тейт, ты, тварюка, я тебя обожаю!

Он разом обнял нас двоих и крепко стиснул. Рыжий заржал, я с трудом выдохнула. Потом незнакомец отстранился и как следует дернул Тейта за ухо.

— Ты вообще думал, что делал? — Дальше последовало какое-то малопонятное ругательство. Что-то связанное с совокуплением с айрами в неблагоприятных условиях вроде бы. — Но ты правда это сделал! Везучая тварь!

Тейт выпятил грудь:

— Это потому, что я самый...

— Балда! — Долговязый несильно стукнул его по лбу и улыбнулся. — Это потому, что ты дурак. А дураки так легко не дохнут.

Я наконец смогла рассмотреть незнакомца. Лицо у долговязого оказалось приятное, по моим меркам — даже красивое. Широкий лоб, светло-серые миндалевидные глаза, прямой нос, на нижней губе — два аккуратных симметричных шрама. Украшение, что ли? Портило лицо только почти полное отсутствие

бровей, от которых остались два темных кругляша у переносицы.

— Я вообще недохну, — немного обиженно откликнулся Тейт, но долго дуться не смог и тут же затараторил: — Кого я поймал! Смотри, это Трикси Бланш, — крутанул он меня, как куклу. — Красивая, да? Скажи, красивая? Моя добыча!

— Застолбил? — улыбнулся одними губами долговязый.

— И она по-нашему понимает, — добавил рыжий.

Я склонила голову к плечу, подтверждая. Его приятеля это почему-то страшно смутило. Он явно предпочел бы, чтобы экспрессивный пассаж насчет айров прошел мимо моих ушей.

— Значит, Трикси Бланш, — повторил он, слегка коверкая имя. У Тейта в свое время получилось ловчее. — Я Кагечи Ро, друг Тейта. Выходит, ты приняла его?

— А вот это еще не решено, — вмешался тот, первый, сладкоголосый, выступая из толпы. Ростом он был немного пониже Кагечи, но выглядел куда мощнее. «Шаровары» и безразмерная рубаша с целой горой из шарфа на плечах добавляли объема. — Дуракам резонанс ни к чему. И вообще большой вопрос, осилит ли его худший ученик.

Тейт, остававшийся даже в самые опасные моменты погони веселым и теплым, разом заledenел и потемнел.

— Посмотрим, — тихо сказал он и, не глядя, пихнул меня в объятия к другу. — Ро, присмотри.

Мне никогда не нравились мужчины, предпочитающие яркие цвета. Это как-то... неестественно. А круглолицый громила с белыми волосами, который стоял напротив Тейта, был одет как раз в желтое — того оттенка, на который и смотреть-то больно. Темно-красный шарф-накидка на этом фоне выглядел как запекшаяся кровь.

— Посмотрим, — охотно повторил верзила и улыбнулся, показав кончики зубов. Кажется, подточенных.

Шрах, надо было оставаться в пещере...

Толпа раздалась, образуя широкий круг. Кагечи Ро изобретательно выругался — «выжженная долина между ушей» как метафора глупости прозвучала особенно выразительно — и потащил меня к самой кромке, вплотную к какому-то строению, потом заставил сесть и наклонить голову.

— Не вставай, я прикрою, — прошептал он, не отводя глаз от напряженной фигуры Тейта, который в своем черном костюме

сейчас походил на обугленную спичку с язычком пламени. — Дурак, идиот, что же ты делаешь-то...

— У Тейта проблема? — вскинулась я. Эмпатический купол опять сжался — сказывались общая усталость, голод и перенапряжение.

— У Боззы проблема, — отрицательно вздернул подбородок Кагечи. — И у нас. У всех. У Тейта — как следствие.

— Он вроде бы сильный, — произнесла я, вспомнив драку со свободными.

Выражение лица у Кагечи стало совсем кислым. И эмоции — тоже

— Сильный-то сильный. Но редкий придурок.

Я так и не поняла, кто начал первым. Вокруг здоровяка Боззы заструился жутковатый пронзительно-желтый туман, но в ту же секунду Тейт вытянул руку и резко сжал пальцы в кулак.

Раздался взрыв.

Бабахнуло так громко и заискрило столь ярко, что на мгновение отказали и зрение, и слух. Потом до меня дошло, что вокруг нас с Кагечи появилась тонкая дрожащая пленка вроде мыльного пузыря, которая отсекала все внешние воздействия... в том числе огненный хаос, который устроил рыжий. А когда схлынули пламя и дым, то на месте ровной белой площадки остался оплавленный кратер — и кочка там, где раньше стоял Бозза. Его я узнала только по клубам желтого тумана, выполняющего, видимо, те же функции, что и пленка у Кагечи.

Эмпатический купол, к счастью, не могло заблокировать ни то ни другое.

— Ты спятил?! — заорал Бозза, пытаясь подняться. Роскошная темно-красная накидка изрядно обгорела. Из носа капала кровь. — Ты рехнулся — такое творить?!

Для меня это выглядело, как будто он молча открывал и закрывал рот, но мысли оставались достаточно ясными.

— Не-а, — безмятежно ответил Тейт сверху. Совершив дикий прыжок, он соскочил с ближайшего дома-гриба прямо к противнику и поставил ему ногу на горло. — Я по-другому не умею, ты же знаешь. Сдавайся.

— Но мастер Оро-Ич запретил использовать...

От него веяло недоверием и ужасом. Рыжий виновато почесал в затылке:

— Говорю же, я не умею слабее. Я же дурак. Худший ученик, — сказал он и улыбнулся, показав слишком много зубов.

Те из свидетелей, кто оставался на ногах, приснули в стороны, разбегаясь, как испуганные мыши. — Не умею по-другому. Ну что, повторим? Могу дать тебе фору в одно заклинание. Но ты же знаешь — если я устою...

— Да пошел ты! — взвыл Бозза, извернулся, взмыл в воздух, теряя шарф на лету, и рванул с разрушенной площадки быстрее ракеты.

Тейт засмеялся, глядя ему вслед. Даже пополам согнулся — так было весело. Но Кагечи Ро почему-то не спешил радоваться легкой победе.

— Опять, — выдохнул он обреченно и убрал защитную пленку. Сразу стало жарковато, хотя оплавленные камни остывали неправдоподобно быстро. — У Тейта нет шансов в обычном поединке, — пояснил он тихо, глядя на меня искоса. — Он не может учиться схемам и методам. Бьет сырой силой. Если успеет ударить первым — победа за ним. Если нет... Я его шесть раз сшивал по кусочкам.

В горле у меня пересохло. Образ оказался пугающим до тошноты.

«По кусочкам» — это была не метафора.

— Он... проигрывал?

— Да, бывало, — склонил голову к плечу Кагечи. — Поначалу. В последние три года — ни разу. Но его часто задирают такие, как Бозза. Они искуснее, опытнее. Любой другой бы умер на месте после такого выброса от истощения. Но Тейт есть Тейт. И сейчас он перегнул палку, — нахмурился долговязый. От него повеяло трусливым желанием сбежать подальше, но чувство ответственности пересилило. — Скоро тут половина мастеров будет, и ему точно влетит. Но есть способ... Эй, Тейт! — закричал он и махнул рукой, привлекая внимание друга. — Мастер Оро-Ич — на террасе наблюдения! Покажи ему Трикси Бланш! Ты ведь знаешь, что делать? — обернулся Кагечи ко мне.

— Понятия не имею, — честно призналась я.

Долговязый досадливо цокнул языком:

— Как всегда, ничего не продумано... Положись на Тейта.

«Как будто мне еще что-то остается», — мрачно подумала я, но в ответ только послушно склонила голову к плечу как хорошая девочка.

Рыжий благодарно хлопнул приятеля по спине, ухватил меня за руку и потащил вглубь поселения.

— Балбес, оденься! — прокричал вслед Кагечи Ро. — Ты не в горах!

Тейт резко остановился, едва не выдернув мне руку из плеча, и развернулся:

— Что я тебе тут надену, а? — Выражение лица у него было мученическое.

Долговязый оглянулся, сощурился на кратер и плавно повел рукой. Вверх взмыла потерянная накидка Боззы, местами прожженная насквозь. Кагечи поймал ее и пропустил между ладоней; она явно стала тоньше, и цвет с винно-красного сменился на ослепительно-алый, но проплешины заросли.

— Лови, дурак!

— О, подойдет, — искренне обрадовался рыжий, подхватил подарок и тут же набросил ткань себе на плечи — в пять небрежных рыхлых витков. — Трофей!

И расхохотался.

«Прекрасно, — пронеслось у меня в голове. — Теперь мы еще и одеты в одинаковых цветах».

А Тейт вдруг с силой оттолкнулся ногами от мостовой, взвился в прыжке и с грохотом приземлился на крышу соседнего дома-скалы. Поднес руки ко рту и заорал во всю мощь легких:

— Эй, вы, все! Я докажу вам! Стану лучшим! Слышите? Я, Танеси Тейт, буду лучшим!

Светило солнце, ветер трепал алые концы шарфа-накидки, дымилась разрушенная площадка. И я не знала, смеяться мне или оплакивать собственный рассудок, потому что невысказанным образом эта картина не вызывала у меня стыдливую неловкость, а... нравилась, что ли?

Никогда не любила парней в яркой одежде.

Но с Тейтом и его вкусами, похоже, придется смириться.

Глава 4 МАСТЕР ЛАГОНА

Синий, чешуйчатый, с щупальцами, близкий родственник стихийного бедствия.

Из свитка «Загадки Лагона»

Загадочная «терраса наблюдения», о которой упоминал Кагечи Ро, оказалась шишкообразным наростом на стене вокруг Лагона или, вернее сказать, на том необычном барьере десятиметровой толщины из камней, земли и дерна, который снаружи казался пологим склоном холма.

— Подняться сможешь? — деловито поинтересовался рыжий, подергав за плети жестких вьюнов, тянувшихся до пресловутой террасы метров на тридцать вверх. На ней, кажется, могла бы поместиться средних размеров университетская аудитория или большой зал для переговоров. — Или тебя затащить?

Я сощурилась, прикидывая расстояние на глаз. Конечно, велик был соблазн согласиться, но мне уже порядком надоело чувствовать себя беспомощным грузом при Тейте. До стены мы добирались перебежками, прячась под деревьями и в тени домов-каменюк, и сердце теперь колотилось где-то в горле... Но подъем как-нибудь одолею, все же тут главная нагрузка придется не на ноги, а на руки и спину.

— Смогу.

— Угу, — согласился он и жизнерадостно добавил: — Упадешь — поймаю. Не бойся! А если не поймаю, так Ро починит.

Утешил, называется.

Спустя минут пять стало ясно, что свои возможности я переоценила. Нет, на тренингах у Эрнана мы поднимались на двадцатиметровый стенд, иногда и дважды за занятие. Но, во-первых, там были страховочные тросы, что само по себе изрядно успокаивало и придавало сил. А во-вторых, все ячейки в искусственной сети одинаковы и все выступы на стене относительно надежны, чего не скажешь о рыхлом склоне под полуметровой «подушкой» перевитых вьюнов. Тейт карабкался рядом, то обгоняя ненамного, чтобы проверить путь, то подстраховывая меня снизу, и болтал без умолку — кажется, сам с собой. С полностью свернутым эмпатическим куполом его трескотня звучала как бессмыслица, пересыпанная полужнакомыми словами вроде «налево», «направо», «падать» и «моя».

До входа на террасу я добралась выжатая как лимон. Платье повлажнело и теперь противно липло к спине. Перед глазами все плыло, а мышцы рук мелко дергало от перенапряжения.

Рыжий терпеливо сидел рядом и ждал, пока у меня выровняется дыхание.

— Это... что? — спросила я позорно вялым голосом, с трудом оглядываясь по сторонам.

Мы находились в изогнутом чашеобразном отсеке с низким потолком. Резко пахло растертой травой, немного — плесенью и терпкими, вяжущими ягодами. Попасть сюда снаружи можно было через дыру в полу, а переход наверх находился немного

левее, наискосок от первого проема. Наверх вела такая же сетка из вьюнов, только более плотная.

Прелестно. О лестницах здесь, полагаю, не слышали?

— Терраса наблюдения, — повторил рыжий, пристально разглядывая меня. Какие мысли бродили у него в голове в это время — не представляю. Ослабленного купола едва хватало на общение. — Их сорок семь. Есть повыше, есть пониже. Побольше и поменьше. Тут несколько этажей, а смотреть удобнее всего с верхнего. Мастер Оро-Ич там, наверно.

— За чем отсюда наблюдают? За Лагоном?

— Ну да. За учениками. И просто отдыхают. У каждого мастера — своя терраса.

Ага. Вот и ответ на вопрос, как Тейт понял, куда идти, если террас несколько, а Кагечи не уточнил, на какой именно находится мастер.

— А из чего их делают? Это ведь не естественное образование, как понимаю. — Я провела рукой по неровному полу, на ощупь напоминающему смесь из камня, почвы и дерна.

Рыжий непонимающе сдвинул брови.

— Делают? А-а-а... Не делают. Выращивают. Отдохнула? Идем тогда, а то времени мало.

И пришлось опять карабкаться вверх. Шрах бы побрал местную архитектуру!

Два следующих отсека пустовали. В третьем по счету пол был выслан тонким слоем мягкого золотистого мха, поодаль от дыры-входа лежали по кругу пышные овальные подушки, между ними высилась многоярусная подставка для еды и напитков. Тейт тут же сунул нос в один из сосудов, довольно зажмурился и сделал несколько глотков. Затем сцапал подозрительный зеленый колобок и предложил мне:

— Хочешь? Вкусно. Слеплено из перемолотых семян, внутри сладкие ягоды, — соблазнительно разломил он «колобок», обнажая оранжевую сердцевину.

По виду кушанье было как марципан с вареньем, да и пахло так же. То еще искушение на голодный желудок... Я мотнула головой, потом спохватилась и вслух повторила:

— Нет, спасибо. Надо сначала разобраться, не вредно ли это для меня.

— Ну да, — погрустнел Тейт. — Потом Ро попрошу, он в таких штуках сечет. Ну а я поем. Жрать хочется — сил нет.

— Да?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Фиктивная добыча	5
<i>Глава 2.</i> Сходства и различия	16
<i>Глава 3.</i> Худший ученик	29
<i>Глава 4.</i> Мастер Лагона	39
<i>Глава 5.</i> Знай свое место	53
<i>Глава 6.</i> Иллюзии	69
<i>Глава 7.</i> Экстремальный опыт	88
<i>Глава 8.</i> Ревность как паразитирующая форма жизни	105
<i>Глава 9.</i> Побег с препятствиями	121
<i>Глава 10.</i> Бег по лабиринту, вниз по реке	132
<i>Глава 11.</i> Слабое место	145
<i>Глава 12.</i> Всегда возвращаются другие	165
<i>Глава 13.</i> Мастерская интрига	185
<i>Глава 14.</i> Правильный ответ	203
<i>Глава 15.</i> Точки опоры	219
<i>Глава 16.</i> Цветок на вершине	242
<i>Глава 17.</i> Влекомая течением	262
<i>Глава 18.</i> Ветер с запада	283
<i>Глава 19.</i> Столкновение интересов	303
<i>Глава 20.</i> Охота Белого мастера	319
<i>Глава 21.</i> Черный цвет, алый цвет	334
<i>Глава 22.</i> По касательной	358